

УДК 398; 398.8; 398.83+87; 82–131

ВОДОПЛАВАЮЩИЕ ПТИЦЫ В РУНАХ КАЛЕВАЛЬСКОЙ МЕТРИКИ

Э. Г. Рахимова

Институт мировой литературы (ИМЛИ) им. А. М. Горького РАН

При анализе словесной изобразительности в категориях возглавляемого В. М. Гацаком направления комплексной текстологии в российской филологической фольклористике используется понятие этнопоэтической константы, относящееся к традиционно устойчивым словосочетаниям протяженностью до группы строк, в которых возможна подвижность очертаний. Сравнения и метафоры, опирающиеся в словесной изобразительности на символику водоплавающих птиц: лебедя, гуся, уток (чернети морской, чирка-свистунка и алейки), представлены кроссжанрово в изустных рунах калевальской метрики от героико-мифологических до свадебной поэзии и необрядовой лирики. Водоплавающие птицы фигурируют в героико-мифологических рунах и балладах как персонажи и объект охоты, т. е. включены в фабулы. В свадебных рунах и необрядовых элегиях водоплавающие птицы выступают в качестве референтов сравнений, метафор, иносказательных перифраз. Опирающиеся на водный пласт орнитологической символики этнопоэтические константы, соотносящиеся с образами лебедя, гуся, чернети-морской, алейки, находят системные параллели в причитаниях. В обрядовых плачах водоплавающие птицы включены в жанрово определяющую систему иносказательных метафорических замен (А. С. Степанова) и фигурируют в качестве желаемых чудесных превращений покойного. Вербализации орнитологической символики в средствах словесной изобразительности присуще варьирование в пределах устойчивости и лексической, и синтаксической. Охарактеризованы модели уподобления: сравнения с союзами и слитные конструкции с падежами существительных и сравнительной степенью прилагательных и наречий. В песенной памяти традиции представляется главной устойчивостью изобразительного референта.

К л ю ч е в ы е с л о в а: руны калевальской метрики; словесная изобразительность; этнопоэтические константы; сравнения и метафоры; орнитологическая символика; водоплавающие птицы.

E. G. Rakhimova. NATATORIAL BIRDS IN THE KALEVALA METER RUNES

When analyzing verbal descriptions in terms of complex textual study headed in Russian philological folkloristic by V. M. Gatsak, it is common to use the notion of ethno poetic constant which relates to established collocations up to a row group in length with possible flexible structure. Similes and metaphors based on symbolism of natatorial birds such as swans, geese and ducks (scaup, common teal, long-tailed duck) appear across the genres of the famous Kalevala meter runes from heroic and mythological poems to wedding poetry and non-ceremonial lyrics. Natatorial birds appear in the plots of heroic and mythological runes and ballads both as characters and as hunting objects. While in the wedding runes and non-ceremonial elegies natatorial birds act as referents of similes, metaphors and allegories. The ethno poetic constants dealing with aquatic sphere of ornithological symbolism relate to the images of swans, geese, scaups and long-tailed

ducks, and appear to have systematic correspondences in the laments. Natatorial birds are included in the genre-determining system of allegorical and metaphorical substitutions in ceremonial laments (A. S. Stepanova) being the desired form of a miraculous reincarnation. Certain variability is typical for verbalization of ornithological symbolism in literary descriptions yet within lexical and syntactic rigidity. The following assimilation models are characterized: similes with conjunctions and joint structures with noun cases and comparative forms of adjectives and adverbs. Figurative referents appear to be the steadiest component in oral memory.

Keywords: the Kalevala meter runes; verbal description; ethno-poetical constants; similes and metaphors; ornithological symbolism; natatorial birds.

Калевальская метрика (опирающийся на традиционные мелодии распева размер четырехударного аллитерационного стиха) объединяет старинные изустные руны независимо от жанра. Стихи бывают бесперебойные с цезурой: «nuoret soudi, airot notku» «юнца гребли, весла гнулись»¹; и перебойные со сдвигом словесного ударения: «hangat hanhina hatšatti» «ключины гусями гоготали». Термин «kalevalainen, kalevalamittainen runo» «калевальская руна (с калевальской метрикой)» используется собирательно для прибалтийско-финских народов начиная с работы [Kuusi, 1957. S. 109–128].

В старинном песенном фольклоре с рунами, относящимися по жанру к необрядовой лирике и свадебной поэзии, тесно соприкасаются обрядовые причитания: по покойным и свадебные, для Беломорской Карелии также ёйги. Аллитерация служит носителем просодии для карельских причитаний в еще большей мере, чем для рун, скрепляя в северной разновидности плачей обширные периоды [Степанова, 1984. С. 127–129]. Высокоразвитостью карело-ижорской плачевой традиции объясняется наличие традиционных по поэтике и символике плачей «на случай»: о рекрутах и о своей жизни, по жанровому содержанию тесно сопряженных с необрядовой лирикой, выражения признательности и благопожелания. Так, 75-летняя А. Р. Никитина из с. Тикша в 1968 г. величала юных собирательниц фольклора: «Soršalinnun šomevuiset oletta..!» – «Красивы {вы} наподобие птицы-уточки...!» [КП, 1976. С. 76–78, № 27].

Орнитологическая символика, обретшая отшлифованные многовековым устным бытованием словесные решения, которые устойчиво воплощаются через вариативность, служит своего рода мелкоячеистой сетью текстуальных сопряжений рун и причитаний [Рахимова, 2010. С. 145]. Систематизацию

выкристаллизовавшихся вербальных единиц плодотворно осуществлять в рамках комплексно-текстологического этнопоэтического подхода российской филологической фольклористики, разрабатываемого В. М. Гацаком (1933–2014) и его последователями. Единицей для систематизации этнопоэтических констант служит «образ сравнения-сопоставления» [Селиванов, 1990. С. 6] (далее OCC), под которым понимается слово-референт, с которым сопоставляется изображаемое как объект. Ф. М. Селиванов (1927–1990) сформировал указатели художественных сравнений «русского песенного эпоса», т. е. былин, позднее – духовных стихов. В калевальских рунах OCC обнаруживается и в метафоре. Так, в [SKVR² IV (2) 2465] построенная по генитивной модели метафора страстно желаемых или обретенных Эго «sirkun siivet, sääsen sääret» – «крыльев овсянки, голени скопы», содержит OCC – названия птиц. Это овсянка, мелкая певчая пташка нарядного желтого окраса (лат. *Emberiza citrinella*), и охотящаяся за рыбой скопа (лат. *Pandion haliaetos*).

В героико-мифологических, а также в балладных рунах (о совращении сестры, о наказании вдовы-горюшицы за гордыню) благодаря их содержанию – повествованиям о морских походах с целью похищения Сампо или суженой, бегства от преследователей на девичьем Острове – регулярно встречаются типовые сцены, словесно живописующие в динамике отплытие ладьи и протагониста кормчего. В них регулярно представлено слитное метафорическое сравнение, опирающееся на специфический для прибалтийско-финских языков падеж состояния эссив, которой уподобляет стремительное движение застоявшейся боевой ладьи голосам птиц. Упоминание водоплавающих птиц придает дополнительную грань

¹ Здесь и далее перевод автора. Выбор альтернативных по отношению к изданным переводам решений позволяет выделить смысловые, морфологические или синтаксические моменты, важные для анализа.

² Вариант по фондовому своду рун SKVR [Suomen Kansan Vanhat Runot, 1908–1948+1997] в статье цитируется не по странице, а по номеру, < <http://dbgw.finlit.fi/skvr/> >, для каждой книги выделенного по регионам тома с соблюдением принятого в издании написания карельских или финских слов.

сходства облика корабля с плывущим лебедем воображаемому визуально «видеокадру» или «довербальному гештальту», по [Nagler, 1967].

Типовая сцена плавания на ладье, могущая сопровождаться столкновением с большой щукой и последующим созданием кантеле, часто предваряется сценой плача ладьи, услышанного протагонистом, искавшим коня. Такое решение представлено, скажем, в записи языковеда Кустаа Карьялайнена (1871–1919), сделанной во время совместной с фотографом И.-К. Инха (1860–1920) экспедиции по Беломорской Карелии 1894 г. от 59-летней Мауры Марттини из Кивиярви волости Вокнаволок. Этот вариант [SKS signum¹ Karjalainen n. 110] был опубликован под двумя номерами. Данная запись является повторной спустя год по отношению к записи [SKVR I (1) 614+250] сына исполнительницы, местного краеведа-энтузиаста Ийво Марттинена (1870–1934) [SKS signum Marttini I n.45,], в которой также содержится эпизод встречи с девой-лососем, следующий сразу после столкновения с большой щукой, что подтверждает устойчивость контаминации и свернутость мотива Девы Велламо. Текстуальные реализации эссивного уподобления отплывающей ладьи голосам птиц в обеих записях совпадают. Вяйнямёйнен медным венником очищает ладью, после чего спускает на воду и рассаживает по бортам парней-женихов и девиц на выданье в оловянных наголовниках и медных поясах, а сам усаживается сзади кормчим за медное весло. Здесь следует эссивное уподобление стремительного скольжения застоявшейся ладьи голосам птиц:

Panou vanhat soutamahe, ⁴⁰ Vanhat souti, peä vapisi.	Посадил старых грести, Старые гребли, голова тряслась.
Pani nuoret soutamahe. Nuoret souti, airot notku,	Посадил юных грести, Юные гребли, весла гнулись.
Tel'l'ot tetrenä kukerti, Nenä joiku joutsenena,	Скамьи тетеревом ворковали, Нос кликал лебедем,
⁴⁵ Hangat hanhena hatsatti, Perä kroatsku koskelona.	Уключины гусем гоготали, Корма граяла крохалем.
	[SKVR I (1) 614 a) + 250 a)]

Распространенное эссивное уподобление отплывающей ладьи голосам птиц встречается в руне о поездке незванным на пир, в своде «Lemminkäisen virsi» – «Стих о Лемминкяйнене», нечасто. Вариант [SKS signum Karjalainen n. 48.] протяженностью 163 строки был записан К. Карьялайненом в Минозере

¹ SKS signum – номер единицы хранения в архиве Финского литературного общества (Suomalaisen kirjallisuuden seura).

Кимасозерской волости от Микко Ехкимайнена Потапова, в 1894 г. 24-летнего. По основному сюжету, так что целиком он напечатан под номером [SKVR I (2) 724], а повторно в [SKVR I (1) 593 + (2) 919], вариант Микко отвечает преобладающему на беломорско-карельской территории (включая волость Кимасозеро Олонецкой губернии)² сюжетному типу «Стиха о Лемминкяйнене» с поединком на мечах (а не с гибелью протагониста). Приехавший на пир незванным, гость одерживает победу и убивает противника, после чего спасается бегством. По совету мудрой матери он строит стоуключинную ладью и отправляется на «безыманный» остров, который ему из-за распутства с девами и гнева мужчин также придется покинуть на корабле, но при повторной сцене отплытия сравнение не используется, вместо него описывается плач дев по сидящему под парусом, а не по мачте. В первой из сцен плавания используется противопоставление беспомощной гребли стариков и сноровки юнцов, а перечень птиц включает две водоплавающие и боровую дичь:

Teljot tetrenä kukerti, Hangat hanhena hatsatti, ¹³⁵ Nenä joutu (!) joutsenena.	Скамьи тетеревом ворковали, Уключины гусями гоготали, ¹³⁵ Нос кликал лебедем.
	[SKVR I (1) 593 + I (2) 724 + (2) 919]

В беломорскокарельских причитаниях по покойному слово «лебедь» в падеже-эссиве (единственного или множественного числа) представлено в совсем ином смысловом наполнении. Регулярно встречающийся в плачах деминутивный суффикс вызывает неполноту вербального совпадения с рунами, несмотря на стабильность падежа. Страстно желанное, но неосуществимое (на что указывает отрицательный кондиционал) появление покойного «лебедем» / «в обличье лебеда» подразумевает чудесное орнитоморфное превращение для посмертной встречи с родными. В записи 1911 г. от знаменитой плачеи и певички из Войницы Анни Лехтонен [Paulaharju, 1924. S. 74]

² Для соблюдения единообразия и во избежание путаницы с финской территорией Pohjois-Karjala (дословно – Северная Карелия) применительно к севернокарельским по языку и месту фиксации записям из российской Карелии используется обозначение Беломорская Карелия, Беломорье (финское Vienan Karjala, Viena), независимо от жанра, т. е. и к калевальским рунам, и к причитаниям. Кимасозерская волость административно относилась во время фиксации к Олонецкой губернии, но как локальную зону ее целесообразно относить к беломорскокарельской традиции. В российской фольклористике беломорскокарельский фольклор песенных жанров чаще принято называть севернокарельским.

представлена скрепленная напевной аллитерацией на протяжении всего периода выкристаллизовавшаяся вербальная константа: «Eikö valkie hyväseni vallan ensimmäisinä kevätvarreksuisina valkiena valtajoutšenuisena vallan koalelis vallan ensimmäisih valvatusvanapaikkasih» – «Разве мой белый добрынюшка в самые первые весенние просветушки белым державным лебедем не прибрел бы на самые первые весенние прогалыны?». В плаче уроженки д. Хяме Калевальского района Марии Васильевны Маликиной по мужу Эго (т. е. по соседу исполнительницы на его могиле), записанном А. С. Степановой в 1963 г. [КП, 1976. С. 97, № 40], три периода включают вариативные ОСС: чудесных птиц, стоперых птиц и, наконец, цветастых золотых лебедей (с деминутивным суффиксом), в эссиве текстуальной реализации: «kukkahina kultajoučšenuisina». К названиям других птиц в арсенале ОСС этнопоэтических констант карельских причитаний по покойному может применяться даже императив глагола движения. Например, 68-летняя людиковская плачеха Анна Васильевна Чеснокова из Святозера Пряжинского района в момент записи В. Д. Ряговым ее цикла плачей в 1969 г. призывает покойного мужа [КП, 1976. С. 412, № 219]: «Ka hot' sinä tulettele hot' pienih puuhužiden pieähyižih hot' čiučoi-linduzinnu da liipoi-lindužinnu!» – «Так ты прилетай хоть на вершины маленьких деревьев, хоть птичкой-воробушком да птичкой-бабочкой!»

В варианте калевальской руны Мауры в сцене стремительного отплытия ладьи из числа водоплавающих фигурировали: лебедь-кликун (по-карельски joučen; лат. *Cygnus cygnus*) и гусь (по-карельски hanhi; лат. *Anser*), или гуменник (лат. *Anser tabalis*), или серый (*Anser anser*), а также крохаль (длинноносый) (по-карельски koškelo; лат. *Mergus sp.*). Видовому поведению этой водоплавающей птицы отряда гусеобразных, семейства утиных, рода крохали у самцов присуще похожее на карканье звукоизвлечение [Зимин, Ивантер. 2002. С. 49]. Что касается лебедя-кликун, получившего свое название от звукоизвлечения, их голоса при брачных играх и в стае очень мелодичные и громкие, а голос гуся несколько скрипуч. Все это создает словесными средствами яркий звукоизвлечение [Зимин, Ивантер. 2002. С. 49]. Что касается лебедя-кликун, получившего свое название от звукоизвлечения, их голоса при брачных играх и в стае очень мелодичные и громкие, а голос гуся несколько скрипуч. Все это создает словесными средствами яркий звукоизвлечение [Зимин, Ивантер. 2002. С. 49].

Сюжет «рождения кантеле» из костей большой щуки регулярно сопрягается с эпизодом плавания на ладье, что мотивируется сценой столкновения. Судя по заголовку сюжетного типа, принятому в пилотном территориально беломорскокарельском томе фондового свода SKVR в 33(+1) книгах (SKVR, I – XIV + XV):

«Laivaretki ja kanteleen synty» – «Плавание на ладье и создание кантеле», эти фабулы мыслились как нерасчленимые. Но в живом устном бытовании сюжетам была присуща мощная циклизация, реализующая и альтернативные между собой соединения фабул. В развитии сюжета про кантеле из щучьих костей Маура Марттини упоминает еще одну водоплавающую птицу в сцене музицирования, в которой неудача орнитоморфного антагониста контрастно противопоставлена мастерству кантелиста, протагониста Вяйнямёйнена. В строке с уткой-чернетью «sotka» в функции подлежащего в качестве объекта в падеже-адрессиве фигурирует «soittu». Это карельское слово обозначает музыкальный инструмент собирательно, но также специально гармошку, а в записанных А. Генетцем в Кестеньгской волости примерах – дудочку, свирель [KKS V. R-S. S. 466–467.]. В данном случае это слово, создающее сильнейшую аллитерацию и со сказуемым – глаголом, в прибалтийско-финских языках одним словом обозначающим музицирование, игру на музыкальном инструменте, и с зооморфным субъектом, служит перифразом для кантеле, у Мауры *kanteleleh*, *kantelvoin'i*. В отличие от протагониста птице музицирование не удается и не радует слушателей:

Sotka soitti soitullaki, Vesilintu vellutteli;	Утка-чернеть играла на ?свирели, Водоплавающая птица перемешивала (воду)
---	--

Утка чернеть морская (по-карельски *sotka*; лат. *Aythya marina*) – вид рода нырковых уток рода чернетей семейства утиных отряда гусеобразных, распространенный в Северной Евразии в северной тайге и лесотундре. Карелы Приладожья замечали, что крылья чернети издают свистящий звук при полете, как свидетельствует диалектологический пример из Суйстамо в словарной статье [KKS V. S. 5493] на этот орнитоним, что наравне с его сильной аллитерацией с глаголом «soittoa» – «играть на музыкальном инструменте» объясняет пригодность на роль музыканта.

Утка-чернеть может наравне с другими водоплавающими птицами в параллельных строках служить ОСС для художественного сравнения с союзом «словно». Если руководствоваться бытовой логикой, то это сравнение наиболее уместно по отношению к целой армаде кораблей и поэтому ожидаемо встречается в повествовательных рунах исторической тематики, в частности, в руне об осаде Выборга. Вариант [SKS signum Lönnrot A II 6, n.127] был записан будущим создателем «Калевалы» в 1834 г. в Ладвозере прихода Вокнаволоок или

его окрестностях без указания исполнителя. В нем снаряжение флотилии протагонистом, славным королем Иваном, становится зачином и богато украшено союзными сравнениями. В качестве ОСС кроме утки-чернети выступает в скрепленной синтаксическим параллелизмом строке чирок-свистунок (по-карельски *tavi*; лат. *Anas crecca*). Это малый по размеру представитель того же семейства, рода речных уток. Подобно уткам, выводящим выводок птенцов на воду, протагонист спускает на воду флотилию боевых кораблей. Следующее его действие – снаряжение многочисленных ратников – описывается союзным сравнением с еще одной водоплавающей птицей – гоголем (по-карельски *telkkä*; лат. *Vucephala clangula*). Видоспецифично для гоголя, что утята, хорошо ныряющие уже в двухнедельном возрасте, следуют за матерью к воде спустя сутки после вылупления из яиц, которые самка высидывала в одиночестве, т. к. самцы коллективно отлетали к месту сезонной линьки. В параллельной к содержащей ОСС гоголя строке упоминается «малая птица», хотя по сравнению с некрупным чирком-свистуном его размер средний. Во всех строках с ОСС водоплавающих птиц проявляется системная аллитерация, диктующая выбор перифраз для предмета птичьей заботы, слегка искаженный термин «птенцы» относится лишь к чернети:

Meiän Ivana isäntä, M[eiän] kuulusa kuningas	Наш Ийвана-хозяин, Наш знаменитый король
Laitto laivoja lahelle. Niin kun sotka poikiaan, ⁵Tavi laitti lapsieh.	*Наладил корабли на залив*, Словно утка-чернеть своих птенцов, ⁵Чирок-свистунок ладит детушек.
Miekotti 1000 miestä. Satuloitti 100 hevoista, Niin kun telkkä tehtyj[än]. Pieni lintu lapsieen.	Одел мечами тысячу мужей, Оседлал сотню коней, Словно гоголь своих сотворенных, Малая птица своих детушек.
	SKVR I (2) 1047.

В варианте той же исторической песни [SKS signum Lönnrot All6, n.129] в сцене сборов флотилии аллитерация охватывает целое скрепленное синтаксическим параллелизмом двустишие. Вместо чернети фигурирует созвучное слово, обозначающее утку собирательным родовым названием *sorsa*, лат. *Anas*.

Suoritti sota venoja, Kun on sorsa poikien [sa]	Готовил боевые ладьи, Как утка своих птенцов.
	[SKVR I (2) 1048]

Варианты этой и других исторических рун записывались и позднее. Вяйно Салминен

(1880–1947), будущий издатель многих томов свода SKVR, сделал запись [SKS signum Salminen V., n.2120] от 62-летней замужней Анни Богдановой из Толло-реки волости Вокнаволока 17 июля 1918 года, так что она опубликована в дополнениях к беломорскокарельскому тому. Анни развивает художественное сравнение строками о «гребле» утки-чернети, что подкрепляется сильной аллитерацией:

Šuoritti sotaväkeä, Niinkun sorsa poikijah, ⁵Tavi laitto lapsiah.	Снаряжал боевой отряд, Словно утка своих птенцов, Чирок-свистунок ладит своих детушек,
Sotkapa souti suojan rannan, Tavi tyynen tylkyttel', Kossarannan kolkuttel',	Утка-чернеть ведь гребла по подветренному берегу, Чирок-свистунок по тихой заводи покачивалась, По берегу-косе колыхалась.
	[SKVR I (IV, 2) 2180]

Союзное сравнение с водоплавающей птицей и выводком птенцов встречается и в героико-мифологических рунах и балладах в ситуации, вроде бы подразумевающей плавание протагониста по водоему в одиночестве. Это возможная вариация при устном воссоздании руны о поездке незванным на пир. Вариант [SKS signum Borenius II, n.110] записан А. Борениусом (1846–1931), приложившим титанические усилия к сюжетной систематизации калевальских рун из Беломорья при их эдичии, в августе 1872 г. от Хуотари Марккенена из Войницы. В нем соединились сюжеты посещения Туонелы и утробы умершего великана Випунена в поисках трех слов, недостающих для пивоварения. Протагонист после убийства хозяина пира в единоборстве на мечах жалуется матери и спасается бегством на остров Дев. Спуск флотилии к морю в строках с 225-й предваряет сравнение:

Sittä heän loat'i laivojaha Niin kuin sotka poiki(j)aha;	Тогда он сладил корабли, Словно утка-чернеть своих птенцов.
	[SKVR I (1) 374 + 418 + I (2) 809]

В свадебных величальных рунах лексемы гусыни и чирка служат ОСС для метафоры с генитивом, изображающей легкую поступь невесты по прибытии в дом жениха. Принадлежностный падеж генитив с присоединяемым к гласной основе слова окончанием -n можно перевести на русский язык как родительным падежом, так и притяжательным прилагательным. В записанном в 1885 г. будущим разработчиком историко-географического подхода в эпосо- и сказковедении К. Кроном (1863–1923) варианте [SKS signum Krohn 8178] Катри Сюкко из Коверо,

ныне Тупповаары, что относится к локальной зоне Иломантси в финской Северной Карелии, невесту призывают подняться из саней (каре-ты), топнув ножкой по полозьям:

Astu hanhen askelilla, Taputa taven jalolla, ²⁰ Noilla sorsan soikuttele	Шагай гусиными шагами, Постучи чирковой ножкой, ²⁰ Утиными плавно продвигайся.
Apen saamilla pihoilla, Anopin asettamalla	На добытых свекром дворах, На учрежденных свекровью.
	[SKVR VII (2) 3009].

Аналогичная генитивная метафора представлена и в варианте, записанном Х. Лайтиненом в 1865 г. от неизвестной из Суоярви в Приладожье [SKVR VII (2) 2977], в строках 26–27 в ней также представлены ОСС гусыни и чирка-свистунка. В диалоге свахи с женихом, записанном Э. Кемппайненом в Суйстамо в 1915 г. от знаменитого Ийваны Онойла, от лица парня звучит признание, что он сидит в ожидании суженой, причем ОСС меняется на создающее более сильную аллитерацию «alli» – алейку, как в севернорусских диалектах называют изящную длиннохвостую утку-морянку, лат. *Clangula hyemalis*:

Istun Immingin hyvyttä, katschon allin askeletta.	Сижу ради благости девицы, Смотрю на шажок алейки.
	[SKVR VII (2) 2846]

В необрядовой лирике эта же генитивная метафора «чиркового/гусиного/алеичного шага» девицы на выданье сосредотачивает в себе горькое переживание Эго по утраченной девичьей волюшке. В записанной А. Альквистом в Иломантси от неизвестной в 1846 г. песне заботы («huolilaulu») [SKVR VII (2) 2499] упоминание о походе водоплавающих птиц – алейки и чирка-свистунка – развивает орнитологическую символику зачина. Сперва Эго характеризует себя в девицах за счет номинативного перечисления птиц, как боровых, так и водоплавающих, в составном именном сказуемом, а завершается идеализирующая самохарактеристика использованием также орнитоморфных иносказаний в третьем лице, замещающих местоимение «я» в инфинитивном обороте с инессивом 2-го инфинитива (падежа внутриместного нахождения с временной семантикой):

Olinpa minäki ennen koppelo isän koissa, tavi taaton tanterilla, vesi lintu veikon luona, ⁵ sirkkunen sisaren luona.	Я бывала тоже прежде копалуха в отцовском доме, чирок на батюшкином поле, водоплавающая птица подле брата, ⁵ овсянка подле сестрицы.
---	--

Ku minä läksin astumahan, astuin allin askelilla, taputin tavin jaloilla:	Коли я ступать направлюсь, ступаю шагами алейки, постукиваю чирковой ножкой.
Monen miehen mieli vieri, ¹⁰ monen sulhon suu muhahti	Многих мужчин ум растекался, ¹⁰ у многих женихов рот улыбался,
tämän allin astuessa, käyessä tämän kanasen.	пока ступала эта алейка, пока проходила эта курочка.

Утонченный эмоционально насыщенный образец «птичьей элегии», воплощающей константное в необрядовой лирике уподобление Эго злосчастливым зябнущим пташечкам, построенное за счет компаратива наречий со значением холода и дискомфорта, предстает в варианте, записанном в 1884 г. от лютеранки Лиены Луукконен из Хиппола прихода Импилахти К. Кроном [Krohn n. 5113]. Интересно использование привычной по карельским плачам в качестве метафорических замен (далее – МЗ) группы водоплавающих птиц [Степанова, 2004. С. 33 – *односоставная МЗ дочери*, с. 55 – *для подружек-ровесниц невесты в свадебных плачах как компонент двусоставной МЗ*] лексемы «alli». Алейки действительно пролетают над Ладогой еще до таяния снега и поздно улетают, почему и считаются купающимися в студенной воде. Сначала эта лексема функционирует как перифраз Эго, с третьим лицом сопряженных глаголов. Лишь в скрепленном синтаксическим параллелизмом перечне уподоблений, включающем также воробушка и голубку, проясняется использованием личного местоимения «я», что живописуются переживания и обездоленность Эго. Уподобления опираются на компаратив качественных наречий:

Eipä tiitä yksikänä,	Ни одна того не знает,
Ei ymmärrä yheksänkään	Девять все не понимают
Tämän allin mielialoja,	Этой утки печалей,
Mitä alli ajattelo,	О чем морянка-утка мыслит,
⁵ Ja peäsky peässään pitää.	⁵ И ласточка в голове держит.
Alahan on allin mieli	Низко пал дух утки-морянки
Uieassa vilua vettä,	Плавая по воде студенной,
Miun on alemma sitäki...	У меня ж – того пониже...
	[SKVR VII (2) 1729]

Что касается плачей, отдельная группа карельских МЗ, выделяемая А. С. Степановой по объектам сравнения, здесь – девушки/дочери, опирается на орнитоморфную символику, например «kujilliseni kuulu alliset» – «поровеночки мои славные утки-морянки» [Степанова, 1985, С. 40–45, 74–76]. Считаю, что орнитоморфная символика в МЗ тесно связана с поэтизацией невесты-сговоренки. «Kaunehen hyväiseni kamaikkunojen piällisiksi karjalintusiksi» – «в стаи пташечек на окошечках с косяками драгоценного добрынюшки» может превращаться девичья

волюшка, как свидетельствует разобранный Унелмой Семеновной Конкка (1921–2011) беломорскокарельский плач 1937 г. Мавры Максимовны Хотеевой на возвращение невесты из обрядовой бани [Конкка, 1992. С. 169–170]. Доля орнитоморфной символики в изобразительно нагруженных (в отличие от метонимических) МЗ не только исключительно весома для всех жанровых разновидностей карельских плачей, но и включает в себе момент их типологического схождения с севернорусской плачевой традицией. Использование названий птиц как МЗ выглядит особенно трогательно применительно к оплакиваемым от лица матери девушкам или молодым женщинам, оставившим малолетних детей. В плаче И. А. Федосовой по дочери орнитологическая МЗ употребляется неоднократно (стихи 5, 21, 31, 34, 37 и далее) и разворачивается в глагольную метафору в стихах 59–60: «Улетела моя белая лебедушка / На иное безвестное живленьице» [Причитанья..., 1997. С. 104–112, № 8]. В среднекарельском (сегозерском) плаче по замужней дочери [КП, 1996. С. 182, № 98], записанном У. С. Конкка от Марии Антоновны Прохоровой в 1967 г., МЗ «alli» ‘уточка-морянка’ (лат. *Clangus hiemalis*) представлена двукратно с разными эпитетами: «alli aigomazeni» «моя задуманная уточка-моряночка» и «valgie alli vualimazeni» «белая уточка-морянка моя выпестованная».

Образы водоплавающих птиц неотъемлемо включены в мифологические представления в традиционной духовной культуре прибалтийско-финских народов. Лебедь фигурирует в сюжетах героико-мифологических рун калевальской метрики. Для современных реципиентов фольклора, опосредованного для них не только печатной «Калевалой», но и художественным творчеством Финляндии рубежа XIX–XX веков, образ лебедя неотделим от сцены воскрешения Лемминкяйнена его матерью благодаря прославленной картине Аксели Галлен-Каллела (1897, 1903), изображающей водоплавающую птицу загробного царства в отдалении по волнам, увертюре Я. Сибелиуса к «Калевальским оркестровым легендам» (1893–1897), а также поэзии Эйно Лейно (1878–1926), включая драматическую поэму «Туонельский лебедь» (Tuonelan joutsen, 1896–1898) [Рахимова, 2001. С. 152–174]. Изустным источником фабулы послужили варианты руны о поездке Лемминкяйнена-Каукомойнена на пир в Пяйвэлле, которая широко бытовала в период фиксации в Беломорской Карелии, Олонце, Приладожье и финской Северной Карелии. Для дореволюционных беломорскокарельских вариантов наряду с доминирующей сюжетной версией с поединком героя на мече с хозяином на пиру и бегством

после убийства противника выделяется альтернативная. Молодой удалец гибнет в той мифической местности, куда он отправился вопреки советам своей мудрой матери, а та (или жена), разыскав погибшего, пытается пробудить его к жизни. В эпосе Э. Лённрот представил последовательно обе сюжетные версии: по окончательной (1849 г.) редакции песни 13–15 запечатлели сюжет гибели-воскрешения, тогда как в песнях 23–26 повествуется о поездке на пир в Похьоле, завершающейся победоносным поединком и бегством. Глубинная семантическая связь образов Лемминкяйнена, его матери и туонельского лебедя запечатлена в единственном финско-карельском варианте, записанном в 1828 г. Лённротом от Юхана Кайнулайнена из Хумуваары прихода Кесялахти [SKVR VII (1) 823.] Лемминкяйнен гибнет, пытаясь застрелить лебедя на черной реке Туонелы, что было последней из трудных задач при сватовстве к Деве Похьолы. Сами по себе руны с тематикой добывания суженой составляют одну из центральных совокупностей в эпическом репертуаре калевальской метрики. Третья, самая сложная из задач для соискателя может предполагать посещение Туонелы – но с целью не собственно охоты, а рыбной ловли. Заветной добычей является щука, лосось или таймень. Э. С. Киуру доказывает эквивалентность лебедя и щуки по сюжетной функции за счет открывающей руну «Kilprakosinta» – «Состязание в сватовстве» сцены расспросов соперника сестрой жениха. Антагонист пытался ограничиться иносказанием о намерении поехать «на охоту за гус(ын)ями, на смотрины к длинношеим» [Киуру, 1993. С. 28, 86], а эти птицы как объект охоты могли мыслиться как воплощение «девичьей воли», на которую посягает брачными притязаниями жених. В широко бытовавшей в Ингрии лиро-эпической руне «Hanhi kadonnut» – «Пропавшая гусыня» пернатый подарок брата, который по недосмотру Эго найдется уже сваренным в котле, идеализированно описан как чудесное орнитоморфное существо с медными перьями и знаком созвездия Отава – Большой Медведицы. Это позволяет воспринимать улетевшую, касаясь крыльями небосвода, гусыню как аллегория утраченной девичьей воли.

Несмотря на запрет убийства лебедей, подтверждаемый сюжетами фабулатов в сказочной прозе, в необрядовой лирике Эго может высказывать намерение застрелить лебедя. В Приладожье и финской Северной Карелии такое намерение стереотипно в мужских элегиях «Расплата за муки (молоко) маме», например в записи Д. Европеуса из Соткума прихода Липери 1853 г.:

Millä maksan mam [mon] m [aiot],	Чем отплачу молоко маме...
Ammun joutsenen joesta, Virr [asta] vihann [an] I [innun]	Застрелю на реке лебедя, На потоке злую птицу.
	[SKVR VII (2) 2715]

В южнокарельской разновидности эпической традиции выделяется сюжет превращения в чайку (что означает ее символическую гибель) строптивой молодухи мужем-кузнецом Илмойллинемом. В антологии, составленной В. П. Мироновой в 2006 г., он представлен большинством вариантов руны «Hiitolas kozičendu» – «Сватовство в Хийтоле» №№ 10–29. Например, в развязке, записанной Виктором Яковлевичем Евсеевым (1910–1986) в 1936 г. от А. С. Мининой из с. Ангенлахти Пряжинского района [Эпические песни..., 2006. С. 111, № 17]:

160 Siit kaunistu Katerinua	160 Тогда красивую Катерину
laulau seppü kajuakse.	Обернул кузнец чайкой*. Перевод В. П. Мироновой

Поразительно четко выкристаллизованному на фоне общекарельской тенденции к эпической циклизации сюжету сватовства в Хийтоле, самобытно знаковому для олонецкой этнолокальной разновидности «трудных задач при сватовстве», посвящено и диссертационное исследование составительницы антологии. Она справедливо трактует печально-красивую развязку как этиологический миф о происхождении чаек [Миронова, 2011. С. 19].

Инвариантный по отношению к лебедю, гусю (гусыне), утки-чернети и остальным концепт водоплавающей птицы – ключевой в прибалтийско-финской мифологической картине мира. При реконструкции с привлечением языковых и археологических данных зооморфной мифологической картины мира у вепсов, от которых уже не удалось записать рун калевальской метрики, водоплавающим птицам посвящен целый одноименный раздел 1 главы 2 «Птицы» [Винокурова, 2006. С. 48–58]. Чирок-свистунок *tavi*, звукоподражательно именуемый «*tavirzi-jävirs*» в закличках в календарном обряде жертвоприношения творогом в Петров день, должен был обеспечивать плодородность ржи [Там же. С. 50–53]. В средневековых курганах предков современных вепсов имеются украшения, изображающие двуглавого лебедя (по-вепски *d'üusen – lebed'*). Пара лебедей, именуемых хозяином и хозяйкой – *izand* и *emag*, могла восприниматься как тотемистические прародители рода, чем объяснялся запрет их убийства, подкрепляемый фабулатами о бедах, постигших нарушителя табу, например, убийство

в драке вилами брата, застрелившего лебедя [Там же. С. 54–55]. Фабулаты о наказании безвременной кончиной жены за убийство лебедя «*d'out' š'im*» зафиксированы и у карелов-людигов [Lyydiläisiä..., 1963. С. 145–150].

Сравнительное изучение мифологии народов уральской семьи языков показало, что миф об утке-нырке/гагаре как участниках акта космогонии представлен в различных разновидностях у почти всех уральцев [Напольских, 1991. С. 62–91, 140–147]. В виде отдельной изустной руны калевальской метрики или фабулы в составе циклизованного сюжета о борьбе за Сампо целиком сохранен прибалтийско-финский космогонический миф о сотворении мироздания, включая перечень небесных светил, из яйца/яиц водоплавающей или иной птицы. Перечень небесных светил с информацией об их происхождении из частей яйца позволяет считать эту руну солярным мифом, особенно значимым для народа, живущего в северных широтах [Рахимова, 1992. С. 36–39]. Водоплавающая птица может являться демиургом, снесшим яйцо мироздания, наравне с орлом или ласточкой-касаткой (что характерно для Ингерманландии и Карельского перешейка). В Беломорской Карелии встречается гусь, как то в записанном в 1829 г. в Суднозере варианте руны о Сампо Василия Лесонена [SKVR I (1) 75]. Вариант, где фигурирует утка-чернеть, записан от знаменитого рунопевца Ийвана Шемейки из Суйстамо в 1893 г. [SKVR VII (1) 18]. Как и в беломорско-карельской этнолокальной версии, но без присутствия той индуцирования фабулы о выковывании и последующем похищении «у заказчицы подрядчиками» волшебного источника изобилия Сампо, руна начинается с ранения Вяйнямейнена стрелой коварного лапландца. На колени упавшего в воду героя, которого семь лет носит по волнам, и откладывает свое золотое яйцо утка-чернеть. Это решение Э. Лённрот использовал в первой руне эпопеи [Калева-ла, 1999. С. 5–6]. Выбор утки-чернети на роль орнитоморфного творца мироздания, сносящего яйцо, представляется мне отражающим самое древнее, восходящее к общеуральским истокам, мифологическое представление потому, что чернеть относится к нырковым уткам и способна достать нечто и со дна изначального моря. Для карельских космогонических сюжетов характерны черты или зооморфной (орнитоморфной в случае рождения мира из яйца), или альтернативной антропоморфной моделей «космизации пространства», или их сочетание [Кундозерова, 2013. С. 8–10].

Итак, на примере выкристаллизовавшихся единиц поэтического языка калевальских рун,

использующих орнитологическую символику, выявляется кроссжанровая вариативность и устойчивость этнопоэтических констант и их глубинная смысловая связь с орнитоморфными героико-мифологическими персонажами и их ипостасями.

Работа выполнена по гранту РГНФ 14-04-00334 «Кроссжанровые взаимодействия в изустных калевальских рунах (героико-мифологический эпос и заговоры)».

Литература

Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции). Петрозаводск: ПетрГУ; Карельский НЦ РАН, 2006. 448 с., ил., табл.

Зимин В. Б., Ивантер Э. В. Птицы. 3-е изд., испр. и доп. / Серия «Мир животных». Петрозаводск: ПетрГУ, 2002. 288 с.

Калевала. Эпическая поэма на основе древних карельских и финских народных песен / Перев. Эйно Киуру, Армас Мишин. Изд. 2-е. Петрозаводск: Карелия, 1999. 583 с.

Карельские причитания / Изд. подгот. А. С. Степанова, Т. А. Коски. Петрозаводск: Карелия, 1976. 534 с. (в тексте – КП).

Киуру Э. С. Тема добывания жены в эпических рунах. К семантике поэтических образов. Петрозаводск.: Карельский НЦ РАН, 1993. 132 с.

Конкка У. С. Поэзия печали: Карельские обрядовые плачи. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 1992. 296 с., ил.

Кундозерова М. В. Концепт мироздания в карельских эпических песнях: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2013. 22 с.

Миронова В. П. Сюжет о сватовстве в мифической стране Хийтола в контексте карельской эпической традиции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2011. 22 с.

Напольских В. В. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф) / Материалы к сер. «Народы СССР». Вып. 5. Народы уральской языковой семьи. М.: Институт этнографии, 1991. 189 с.

Причитанья северного края, собранные Е. В. Барсовым. Т. 1. Похоронные причитания. Ч. I. Плачи похоронные, надгробные и надмогильные..., 1872 / Сост., коммент. К. В. Чистов. СПб.: Наука, 1997. 500 с., ил.

References

Epicheskie pesni Yuzhnoi Karelii = Aunuksen karjalazien eepizet pajot [Epic songs of the South Karelia]. Ed., auth. of intr. art., com. and transl. V. P. Mironova. Petrozavodsk: Periodika, 2006. 447 p.

Рахимова Э. Г. Солярные мотивы в карело-финском эпосе // Студенческие научные доклады. Ч. II. Литературоведение. М.: МГУ, 1992. С. 36–39.

Рахимова Э. Г. От «калевальских» изустных рун к неоромантической мифопоэтике Эйно Лейно. М.: Наследие, 2001. 216 с.

Рахимова Э. Г. Туонельские свечушки: Словесная изобразительность карело-финских причитаний по покойным. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 237 с.

Селиванов Ф. М. Художественные сравнения русского песенного эпоса: Систематический указ. М.: Наука, 1990. 223 с.

Степанова А. С. Аллитерация в карельских плачах // Фольклор: Образ и поэтическое слово в контексте / Отв. ред. В. М. Гацак. М.: Наука, 1984. С. 127–148.

Степанова А. С. Метафорический мир карельских причитаний. Л.: Наука, 1985. 221 с.

Степанова А. С. Толковый словарь языка карельских причитаний. Петрозаводск: Периодика, 2004. 304 с.

Эпические песни Южной Карелии=Aunuksen karjalazien eepizet pajot / Сост., авт. вступ. ст., коммент. и пер. В. П. Миронова. Петрозаводск: Периодика, 2006. 447 с.

Karjalan kielen sanakirja Viides osa. R–S / Toim. R. Koponen, M. Torikka et al. / Lexica societatis Fenno-Ugricae XVI, 5. Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 25. Vammala: Vammalan kirjapaino OY, 1997. 634 s. (В тексте – KKS).

Kuusi M. Kalevalaisen muinaisepiikan viisi tyylikautta / Kalevalaseuran vuosikirja, 37, 1957.

Lyydilläisiä tekstejä. 2 / kerännyt, kääntänyt ja julkaisut Pertti Virtaranta = Lüdische Texte. 2. Helsinki: SUST 130, 1963. 419 s., kuv.

Nagler M. Toward a generative view of the oral formula // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1967. Vol. 98 (XCVIII). P. 269–311.

Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema: Vienan Karjalan tapoja ja uskomuksia, Porvoo: WSOY, 1924. 186 s., kuv.

Suomen kansan vanhat runot. 1. Vienan läänin runot. Osa 1. Kalevalan-aineiset kertovaiset runot. Helsinki: SKST; 121, 1, 1908; Osa 2. Kalevala-aineiset kertovaiset runot, muita kertovaisia runoja. Helsinki: SKST 121, 2, 1908 / julkaissut A. R. Niemi (в тексте – SKVR I (1)); Osa 4. Keski-Inkerin runot. 2. Toisinnot Toisinnot 1504–2762 / julkaissut V. Salminen. Helsinki: SKST 140, 2, 1926 (в тексте – SKVR IV (2)); Osa 7. Raja- ja Pohjois-Karjalan runot. 1. Kalevalan-aineiset kertovaiset runot / Toim. A. R. Niemi, 1929; 2. Muita kertovaisia runoja: Toisinnot 934–1480. Lyyrillisiä lauluja: Toisinnot 1481–3811 / Toim. A. R. Niemi, 1931 (в тексте – SKVR VII).

Поступила в редакцию 24.02.2015

Karel'skie prichitaniya [Karelian laments]. Eds. A. S. Stepanova, T. A. Koski. Petrozavodsk: Kareliya, 1976. 534 p.

Kiuru E. S. Tema dobyvaniya zheny v epicheskikh runakh. K semantike poeticheskikh obrazov [Wife-gaining theme in epic runes. To the semantics of poetic images]. Petrozavodsk.: KarRC of RAS, 1993. 132 p.

Konkka U. S. Poeziya pechali: Karel'skie obryadovye plachi [Poetry of sorrow: Karelian ceremonial laments]. Petrozavodsk: KarRC of RAS, 1992. 296 p., il.

Kundozerova M. V. Kontsept mirozdaniya v karel'skikh epicheskikh pesnyakh: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [The concept of world creation in Karelian epic songs. Abstract of Ph. D. thesis, philology]. Petrozavodsk, 2013. 22 p.

Mironova V. P. Syuzhet o svatovstve v mificheskoi strane Khiitola v kontekste karel'skoi epicheskoi traditsii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Matchmaking topic in mythical land Khiitola in the context of Karelian epic tradition. Abst. of Ph. D. thesis, philol.]. Petrozavodsk: KarRC of RAS, 2011. 22 p.

Napol'skikh V. V. Drevneishie etapy proiskhozhdeniya narodov ural'skoi yazykovoi sem'i: dannye mifologicheskoi rekonstruktsii (praural'skii kosmogonicheskii mif). Materialy k ser. «Narody SSSR». Vyp. 5. Narody ural'skoi yazykovoi sem'i [Ancient stages of ethnogeny of the Uralic language family. Mythological reconstruction (pre-Uralic cosmogonic myth). Materials for the series «Nations of the USSR». Iss. 5. Nations of the Uralic language family]. Moscow: Institut etnografii, 1991. 189 p.

Prichitan'ya severnogo kraya, sobrannye E. V. Barsovym. T. 1. Pokhoronnye prichitaniya. Ch. I. Plachi pokhoronnye, nadgrobnnye i nadmogil'nye..., 1872 [Lamentations of the Northern region collected by E. V. Barsov. Vol. 1. Funeral laments. P. 1. Funeral, over the tomb and grave laments, 1872]. Ed. and prep. for publ. by K. V. Chistov. St. Petersburg: Nauka, 1997. 500 p., il.

Rakhimova E. G. Ot «kaleval'skikh» izustnykh run k neoromanticheskoi mifopoetike Eino Leino [From the Kalevala oral runes to neoromantic mythopoetics of Eino Leino]. Moscow: Nasledie, 2001. 216 p.

Rakhimova E. G. Solyarnye motivy v karelo-finskoi epose [Solar motifs in the Karelo-Finnish epos]. Studentcheskie nauchnye doklady. Ch. II. Literaturovedenie [Student reports. P. 2. Literature studies]. Moscow: MGU, 1992. P. 36–39.

Rakhimova E. G. Tuonel'skie svechushki: Slovesnaya izobrazitel'nost' karelo-finskikh prichitanii po pokoinym [Tuonela candles: verbal pictorialism in Karelo-Finnish funeral laments over the dead]. Moscow: IMLI RAN, 2010. 237 p.

Selivanov F. M. Khudozhestvennye sravneniya russkogo pesennogo eposa: Sistemacheskii ukaz [Literary

similes of Russian oral epos: systematic decree]. Moscow: Nauka, 1990. 223 p.

Stepanova A. S. Alliteratsiya v karel'skikh plachakh [Alliteration in Karelian laments]. Fol'klor: Obraz i poeticheskoe slovo v kontekste [Folklore: Image and poetic word in the context]. Ed. V. M. Gatsak. Moscow: Nauka, 1984. P. 127–148.

Stepanova A. S. Metaforicheskii mir karel'skikh prichitanii [Metaphorical world of Karelian laments]. Leningrad: Nauka, 1985. 221 p.

Stepanova A. S. Tolkovyi slovar' yazyka karel'skikh prichitanii [Explanatory dictionary of Karelian laments]. Petrozavodsk: Periodika, 2004. 304 p.

Vinokurova I. Yu. Zhivotnye v traditsionnom mirovozzrenii vepsov (opyt rekonstruktsii) [Animals in the traditional worldview of Vepsians (reconstruction experience)]. Petrozavodsk: PetrGU; KarRC of RAS, 2006. 448 p., il., tabl.

Zimin V. B., Ivanter E. V. Ptitsy. 3-e izd., ispr. i dop. Seriya «Mir zhivotnykh» [Birds. 3rd ed., rev. ed. Ser. «World of animals»]. Petrozavodsk: PetrGU, 2002. 288 p.

Karjalan kielen sanakirja Viides osa. R–S / Toim. R. Koponen, M. Torikka et al. / Lexica societatis Fenno-Ugricae XVI, 5. Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 25. Vammala: Vammalan kirjapaino OY, 1997. 634 s. (in text – KKS).

Kuusi M. Kalevalaisen muinaisepiikan viisi tyylikautta / Kalevalaseuran vuosikirja, 37, 1957.

Lyydilläisiä tekstejä. 2 / kerännyt, kääntänyt ja julkaissut Pertti Virtaranta = Lüdische Texte. 2. Helsinki: SUST 130, 1963. 419 s., kuv.

Nagler M. Toward a generative view of the oral formula. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. 1967. Vol. 98 (XCVIII). P. 269–311.

Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema: Vienen Karjalan tapoja ja uskomuksia, Porvoo: WSOY, 1924. 186 s., kuv.

Suomen kansan vanhat runot. 1. Vienen läänin runot. Osa 1. Kalevalan-aineiset kertovaiset runot. Helsinki: SKST; 121, 1, 1908; Osa 2. Kalevala-aineiset kertovaiset runot, muita kertovaisia runoja. Helsinki: SKST 121, 2, 1908. / julkaissut A. R. Niemi (in text – SKVR I. (1)); Osa 4. Keski-Inkerin runot. 2. Toisinnot Toisinnot 1504–2762 / julkaissut V. Salminen. Helsinki: SKST 140, 2, 1926 (in text – SKVR IV (2)); Osa 7. Raja- ja Pohjois-Karjalan runot. 1. Kalevalan-aineiset kertovaiset runot / Toim. A. R. Niemi, 1929.; 2. Muita kertovaisia runoja: Toisinnot 934–1480. Lyrillisiä lauluja: Toisinnot 1481–3811 / Toim. A. R. Niemi, 1931 (in text – SKVR VII).

Received February 24, 2015

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Рахимова Элина Гансовна

старший научный сотрудник, к. фил. н.
Институт мировой литературы им. А. М. Горького
ул. Поварская, 25а, Москва, Россия, 121069
эл. почта: elina.rahimowa@yandex.ru
тел.: +79166082781

CONTRIBUTOR:

Rakhimova, Elina

Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences
25a Povarskaya St., 121069 Moscow, Russia
e-mail: elina.rahimowa@yandex.ru
tel.: +79166082781